

Николай Зайцев

Вертикальная
радуга

Николай Зайцев

Вертикальная радуга

«Издательские решения»

Зайцев Н.

Вертикальная радуга / Н. Зайцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747273-3

На пороге — начало 90-х. Тебе 20 лет. Ты полон сил и иллюзий. Воспитанием заложено понятие о добре и зле, чести и достоинстве и все те моральные ценности, что могут пригодиться в дальнейшей жизни. Но страна изменилась навсегда. Смогут ли принять и понять это бывшие советские люди?

ISBN 978-5-44-747273-3

© Зайцев Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Вертикальная радуга

Николай Зайцев

Вертикальная радуга – редкое метеорологическое явление. Она возникает, когда солнце стоит низко над горизонтом, влажность воздуха превышает 90 процентов и мельчайшие кристаллики льда выстроены в высоту. Солнечные лучи в этот момент отражаются от ледяных частичек, и на небе появляется большой радужный столб.

Дизайнер обложки Дмитрий Шмокин

Дизайнер обложки Сергей Торбик

© Николай Зайцев, 2017

© Дмитрий Шмокин, дизайн обложки, 2017

© Сергей Торбик, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-7273-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Что важно для тебя, когда тебе двадцать лет? Что имеет ценность и приоритет? К чему ты стремишься и есть ли у тебя цели?

Мы сидели в шикарной «восьмерке» Руслана, которая в простонародье называлась лихо и ясно – «лоховка» и смотрели на двери моего подъезда. Как назло никто из соседей не выходил и не видел меня. Я вздохнул и чуточку расслабился, спуская воздух и опуская плечи. Из автомагнитолы доносились унылые завывания Виктора Цоя о трагических отношениях с восьмиклассницей. Руслан барабанил пальцами по рулю, не стараясь попасть в такт.

Никто не выходил.

– И всё-таки, чего ты хочешь от жизни? – вновь спросил он меня.

– Сложно ответить. Будущее так не стабильно.

– Не умничай, Вася. Скажи, вот если мы откроем ларек, что бы ты хотел видеть в конечном результате?

– Это так важно? – Я знал ответ, но боялся, что он прозвучит нелепо и Руслан, посидев ещё со мной, пять минут, выпустит меня из своего мирка опять в этот серую повседневность.

– Важно. Важно иметь цель. Конечный результат. Вася, ты должен быть заинтересован. Ты должен напрячься!

– Это я могу!

– Вот! Ты пойми, если мы открываем своё дело, то у нас должна быть цель, к которой мы будем стремиться. Иначе – мы пролетим. Ты это понимаешь?

– Что значит «пролетим»?

– Не получим прибыли.

– А так ли она важна? Главное, что мы будем вместе. Давай ещё Симу возьмем в долю.

Руслан снова уставился в пылинки перед собой. О чем он думал? Зачем ему нужен такой тюфяк, как я? Он был моим лучшим другом, впрочем, как и Сима, и нас всегда видели втроем, до тех пор, пока дело не касалось интересной книги – сваливал я, или девчонок и дешевого портвейна – сваливали Руслан и Сима. Тогда мы не виделись пару дней, потом опять дружба продолжалась и так до тех пор, пока не пришла на порог дома армия и взрослая жизнь.

Я, кстати, из-за книжек в армию не пошел.

– Симу в долю брать нельзя, – наконец-то сказал Руслан.

– Почему? Ты же работал с ним вместе. У вас был ларек. У него опыта больше моего. Он нам пригодится.

– Да он был со мной в деле! – выпалил Руся, оживая, и целиком погружаясь в воспаленные для мозга воспоминания, – и что с того?! Мы заработали немного денег, и нет, чтобы раскрутиться дальше! Он купил себе кожаную куртку! На все деньги. – Слова жесткой обвинительной речи не произвели на меня должного впечатления, то, что хотел мне передать друг, повисло между нами в воздухе и билось зеркальной птицей. С каждым взмахом крыльев я чувствовал приступ неудержимой тоски. Потому что я тоже мечтал о длинной кожаной куртке. Парень, у которого не было длинной кожаной куртки, не мог называться парнем. У меня не было. А ещё я работал третий год на заводе, где вот уже полгода не платили зарплаты.

– Я тоже хочу куртку, – как можно тише сказал я.

Руслан перестал барабанивать по рулю и строго посмотрел на меня. В этом красивом лице не было холодной надменности. Немного тоски и обреченности, но только не флегматичной унылости. В его голове роились какие-то планы и непонятные авантюры. Ларек. Подумать только! Это же катастрофа! Бандиты – постоянные наезды и, алкоголики – постоянные лица.

– Это не цель. Зачем тебе куртка?

– Все ходят!

– Я не хожу!

Я не удержался и хмыкнул. О том, какой Руся был скряга ходили легенды и анекдоты. Причем не только в нашей компании. Сейчас, например, он сидел в своей шикарной восьмерке в резиновых сапогах, хотя дождя не было, и парился от жадности купить себе новые полуботинки на лето.

Лично меня это не тревожило. Руся считался моим лучшим другом и, тем более, у меня самого не было длинной кожаной куртки.

Молчание затянулось.

– Цель – это, когда хочешь квартиру, а не куртку. Понял? Или машину, как у меня.

– Зачем мне квартира?! Я живу один в трехкомнатной квартире! Зачем мне машина? Я такой слепой, что в детстве не умел даже на велосипеде ездить.

– Машина – это круто.

– Куртка – круто. Машина – нет. Я ездил с папой в отпуск. Лучше на поезде!

– Симу брать в дело не будем.

– Зря. Он нам пригодился бы – таскал ящики...

Посмеялись. Разрешили обстановку.

– Ладно. Будет у тебя куртка. А что ты ещё хочешь?

– Ещё? – Я ужаснулся, потому что не смог представить себе такой кучи денег. – Да мне бы есть нормально пару раз в день.

– И ты готов рискнуть?

– А что я теряю?

– Ты можешь потерять деньги, которые тебе должны на работе. Ты потеряешь и саму работу.

– Работу, на которой не платят, – продолжил я. – Нет. Я всё равно хотел уйти, а тут ты со своим предложением. Меня смущает только одно – мне не сразу выплатят расчетные деньги. Другой «капусты» у меня нет, чтобы вступить в долю.

– Ерунда. Если ты согласен работать в паре, сейчас плачу я две доли, потом ты мне отдаешь долг. – Руся чуть помедлил. – И никаких процентов. Мы же друзья?

А я думал, он забудет. Было время в детстве, когда я его просто ненавидел – там, где Руся, там и проблемы после него. Обычно разбираться с ними приходилось мне или Семену.

– Зайдешь в гости? Попью чай.

– Спасибо. Некогда, Вася. Беременная жена ждет дома.

– Жаль. Дома уютнее. Поговорили бы по душам.

– Да уже поговорили. Всё решено. Рассчитывайся. Дело за тобой. Захочешь: останешься на заводе, а надумаешь, так открою тебе тропинку в мир бизнеса.

– Очень куртку хочется.

– Будет тебе куртка. Как у тебя, кстати, с девушкой?

– Она уезжает в отпуск.

– Жди Симу в гости.

Я внимательно посмотрел на подъезд – надежда ещё теплилась, и перевел свой взгляд на Русю.

– Сегодня обещал зайти.

– Это очевидно, – Руся усмехнулся. – Зайдет – ему о нашем разговоре ничего не говори. Понял?

Иногда он меня удивлял. Мы же считались очень хорошими друзьями, которых время раскидало по своим тупикам. Ларек – это прекрасная возможность снова сойтись вместе, вынырнуть из этого лабиринта, под названием действительность, и окунуться в забытые чувства детства.

– Почему?

– Боюсь сглаза.

Мы замолчали. Стал, слышан ветер. Он и раньше был, только теперь усилился и от его диких порывов, машина мягко покачивалась. Как Сима мог сглазить то, что находилось в проекте? Не знаю. Наверное, мысль я сказал в слух – Руся на меня покосился.

– И ещё Вася. Есть одна сложность для тебя. Если будем работать вместе, тебе надо научиться сдерживать эмоции и не нарываться на неприятности.

– Я никогда не нарываюсь на неприятности.

Руся расхохотался. Вытер слезы, растер их по лобовому стеклу. Его потертый рукав кожаной куртки мелькнул у меня перед глазами, и я увидел волокна грубой ткани.

– В нашей работе нельзя вспылить. Всегда надо быть сдержанным и вежливым.

– Ты думаешь, покупатели заслуживают, чтобы с ними так обращались? Они же хамы.

– Я имею в виду не покупателей. Эти что? В худшем случае убегут с бутылкой водки или кинут её в витрину – ерунда, вставишь стекло, и будешь вставлять до тех пор, пока не научишься быть вежливым. Я говорю о том круге лиц, где мы будем вращаться. Некоторые из них ведут себя, мягко сказано, вызывающе. Так вот, их не надо бить и даже не надо им грубить, когда тебя унижают. Надо терпеть. Это второе правило, с которым ты должен смириться.

– Почему я должен терпеть, если меня унижают? – Желваки уже заходили на моём лице, и сейчас я мог сделать глупость – завтра проснуться и снова пойти на смену на любимый завод.

– Потому что я сирота. И у меня беременная жена. И у меня нет родителей, которые работают в администрации города. А про тебя я вообще молчу: ты живешь один и работаешь работягой на заводе-банкроте.

– Завод хотят норги выкупить. И тогда у него есть шанс. Но это произойдет не скоро. Ладно. Я тебя понял. А что за первый урок?

– Первый? Ах, да. – Руся вздохнул. – Никому никогда не говори, сколько ты получаешь. Иногда людей просто убивают, и никто не может понять почему.

– Не думаю, что я буду получать с тобой столько денег.

Руся хитро улыбнулся мне и подмигнул. На сердце у меня потеплело – стать богатым в наше время – это даже не волшебная мечта – нечто большее, на грани фантастики.

– Партнеры?

– Партнеры. – Я пожал протянутую руку. – Меня рассчитают через две недели.

– Договорились. Я за это время подыщу ларек и сниму его в аренду.

Из подъезда наконец-то вышли какие-то люди.

– Всё. Я пошел. – Сразу заторопился я, но двери с первого раза открыть не смог. Соседи уже скрылись из виду, когда я оказался на улице. Яростный ветер сразу ударил в лицо.

– Будет дождь, – сказал я, придерживая дверь. Руся кивнул.

– Закрывай. Холодно. Позвони мне денька через три.

– Жене привет. – Я захлопнул дверь машины. Отошел на тротуар. Руся лихо развернулся, сдавая назад. Посигналил мне на прощанья и был таков.

Я долго смотрел ему в след. Машина уже скрылась из виду, и я перевел свой взгляд на сгибающуюся от порывов ветра облезлую рябину и продолжал думать ни о чем. Перед глазами роились какие-то смутные образы, шепчущие мне слова любви и лести. Ветер стал морским. И я даже почувствовал вкус соли на губах. Ещё не много и ветер погонит шлейф пляжного песка.

– Ромаха! Дай десятку!!

Смутный образ неожиданно прорисовался и перед глазами возник сосед снизу. Я его иногда заливал.

Он так считал.

– Я не «Ромаха». – Наверное, в эту секунду мои очки запотели от гнева – сосед никогда не помнил, как меня зовут. Представляться в очередной раз не хотелось.

Спитый мужичок громко сморкнулся на тротуар и сказал:

– Да какая разница?! Ты дашь мне десять рублей или нет?

Сосед жил прошлым – уже давно ходили тысячи. Мы смотрели друг на друга в молчаливой паузе, и я увидел, как он оживился, ожидая чуда.

– Дашь? – неуверенно спросил он и вдруг хитро прищурился, нагло улыбаясь.

Я не дал. Я пошел в подъезд глупо теша себя, что сейчас меня он остановит, рванет за плечо, развернет к себе, и тогда я ему сломаю челюсть. На заводе я не официально работал за двоих грузчиков, хотя по табелю числился учеником кулинара. Не удивительно, что иногда я ложился спать в восемь вечера и уж со всем не удивительно, что в перерывах между устал и очень устал, я чувствовал в себе гигантскую силу.

Сейчас эта сила бурлила и просилась на волю. Подышать.

Никто меня не остановил.

Никого не было и в подъезде.

Я специально пробежался до пятого этажа, сурово всматриваясь в каждый темный уголок так, что глаза не много болели, когда я открывал дверной замок. И сердце бешено колотилось. Но вот дверь закрылась, и я подпер её спиной, вдыхая домашние запахи.

Наверное, я трус, умру молодым, а до этого успею посидеть в тюрьме, где познакомлюсь с парашей и местным правилами.

Я вздохнул.

– Бред. – Я снова вздохнул, теперь уже глубоко, успокаиваясь, и весело прокричал. – Дорогая, я дома!

Старые ботинки изящно были положены в любимый угол, и я услышал осторожное царапанье за дверью туалетной комнаты.

Нет. У меня не было домового.

Просто в туалете жил кот. Иногда мы с ним дружили. Но в данный период времени он был абсолютно невменяемым и полностью меня игнорировал – делал в моей квартире всё, что хотел.

Поэтому он временно жил в туалете. Ссылка продолжалась вторую неделю.

Кухня. Я стоял на пороге, не решаясь войти в святыню. Когда я жил с родителями, мне нравилось, вот так замирать каждое утро у порога в кухню, вдыхать в себя запахи, и гадать, что мама приготовила на завтрак. Блины, пироги, торт? Запахи детства. Друзья их тоже любили. И кухня всегда была полна ими. И тогда, под дружественное чаепитие, душевную теплоту и добрый юмор, мне казалось, что, вряд ли что-то может изменить мой мир, полный романтики и звездных мечтаний.

Сейчас здесь пахло котом, рыбой и нежилым помещением.

Первый страх прошел, я нервно передернул плечами от набежавшего холода и уверенно прошел к чайнику. Через секунду аппарат зашумел, согревая душу и успокаивая. Старый холодильник задрожал, зачихал мотором – вот уж кто домовый – и неожиданно заработал ровно и звучно – назло врагам. Я сразу вспомнил про рыбу, про кота и совместил две реальности в одной плоскости между полом и потолком – кот поймал рыбу на лету и, злобно урча, побежал куда-то в одну из комнат.

Надо что-то делать со зверем. Отдать в добрые руки или кастрировать? Кастрировать карликовую пантеру, которая, когда была вменяема, радовала меня и родителей? А где сейчас найти добрые руки?

Кошунственные мысли.

Чайник, вскипев, отключился. Я опять проворонил момент закипания.

Только достал припрятанную буханку черного и вкуснейшее масло «Атланта», как в дверь требовательно позвонили.

Я никогда не спрашивал: «Кто там?» Нечего у меня воровать. На пороге стоял Сима. Грустные глаза, мягкая улыбка. Он ещё не знал всех новостей.

Мы обнялись, больно хлопая друг друга по спине – со стороны смешной ритуал. Что-то нечленораздельно проревели друг другу, пугая соседей. И, наконец, поздоровались по – приличному варианту – восемь раз пожали руки – пальцы исполнили настоящий танец.

– Привет, брат.

– Привет. Чай?

– С травой?

– Просто травяной.

– Давай.

Сима снял боты, справившись со сложной шнуровкой, и прошел за мной на кухню. Прежде чем сесть, внимательно осмотрел поверхность табуретки – опять боялся за свои фирменные джинсы. Молодец! Быстро научился. Другие так долго не верили, что мой кот может быть вредным и иметь странные привычки. А уж, если кто-нибудь не понравится животному с первого взгляда – сочувствую и за ранее извиняюсь.

– Один? – спросил он осторожно.

– Как видишь. – Я налил вторую кружку и поставил перед ним. Сима покосился на травяную заварку. Шумно отхлебнул, поморщился и сказал:

– Мята убивает потенцию.

– В двадцать лет? – Я искренне удивился, но это был всего лишь ловко брошенный пробный камень.

– У меня есть предложение! – Сима хитро вскинул правую бровь на высокий лоб. Поиграл ей.

– Я пас.

– А чего так? – удивленно протянул друг и я поспешил добавить:

– Хата твоя.

– Мы подметим, когда будем уходить.

– А что вас много прейдет? – насторожился я.

– Только я, Брагин и несколько женщин.

– Опять всю квартиру прокурите! – Я был в глубоком трансе, и выходить мне из него не хотелось. Исчезнуть бы. Почему я не человек-невидимка?

– Мы подметим! И потом – от запаха сигаретного дыма лучше растут цветы.

– И по утрам у некурящего хозяина кружится голова.

– У тебя кружится голова?! Ты – болен?! Ай-яй-яй! Лучшее лекарство от всех болезней – женщина. Поверь мне! И лучше что б всегда они менялись, как в калейдоскопе. Смотрел в детстве в волшебную трубу? Помнишь ощущения? Вечное волшебство.

– Давай без Брагина и только с одной женщиной, – вяло предложил я, отвечая на его гипнотическую речь.

– Что же это за праздник будет?

– Нет никакого праздника!! – Я занервничал и вспылел. Сима погрузнел. Отхлебнул. Посмотрел куда-то в сторону. Поёрзал на табуретке. Вздохнул. Ещё раз. И ещё.

– Нет никакого праздника, – отрешенно сказал он, делая для себя какой-то вывод. И жалобно, жалобно посмотрел на меня, – совсем никакого? А как же день любви?

– Не надо меня парить. День святого Валентина в феврале.

– Согласен, но – это день черной любви!

– Будут черные женщины? – насторожился я. В мозгу запульсировала красная надпись: «СПИД – не спит!» Коварные черные женщины. Ох, до чего хитры бестии в своих поступках, но как соблазнительны в мечтаниях скромных белых парней.

– Откуда?! – Сима округлил глаза. – Мы же не в Голландии живем.

– Значит, черной любви не будет, – сделал я окончательный вывод.

– Не будет?

– Не надейся. – Я сурово покачал головой. Сима опечалился. Засопел. Глаза заблестели от слёз обиды.

– Брагин расстроится. – А вот и козырь – знал же, что я не люблю, когда кто-нибудь расстраивается из-за меня.

– Парни! Не наглейте! Мне завтра на работу.

– Всем завтра на работу! А сегодня ночью – день черной любви!

– Нет!

– Ладно. – Сима как-то быстро сдался и я насторожился. Ведь опять меня обманет и приведет с собой табун. И они будут топтаться по всей квартире, смеяться всю ночь и, в конце концов, скинут меня с кровати, не найдя лучше места. Ничего нового. Конец душевному спокойствию. В последнее время я даже не смотрел девушкам в лица. Зачем? Всё равно никого потом вспомнить не мог. Их приводили, и они уходили, часто не прощаясь.

Но иногда со мной здоровались на улице незнакомки. Красивые и не очень, печальные и радостные, юные и со всем, как пионерки – все они при этом принимали весьма таинственный вид и ставили меня в полный тупик.

– Кот не сдох? – спросил друг, плавно меняя тему разговора.

– Нет. Где-то бегает. Я дал ему рыбу.

– Понимаю.

Я сделал бутерброд и предложил Семену. Парень покосился на угощение и вдруг сказал:

– А мы могли бы купить, тебе поесть – Брагин получил зарплату. С очень большой премией. Гигантских размеров. – Друг сделал многозначительную паузу и выжидающе посмотрел на меня. Явно этот момент и являлся кульминацией в игре – был последним козырем.

Предложение меня заинтересовало, но я вспомнил совки с песком и хмуро покачал отрицательно головой.

– Ладно. Ты мне испортил праздник. Ладно. Добивай. Какие ещё новости?

– Руся берет меня в долю.

Сима подавился чаем. Прослезился.

– Серьёзно?

Я кивнул.

– Я же еду на море. – Сима принялся что-то считать в уме. – Я же не смогу сразу к вам присоединиться. Но зато потом... Когда я отдохну... Через два месяца...

– Русе это не понравится. Ты будешь отдыхать на море, греться на песке, а мы греться в ларьке. Не увязка. Не находишь?

– Какое его дело?! Отдохну и вольюсь в бизнес. Без меня вы не почувствуете праздника.

– Руся сказал – что всё будет без тебя.

– Как это? – Сима откинулся на стуле. – Мне это не нравится.

– Я его предупреждал, что тебе не понравится. Кстати, всё, что я тебе говорю строго конфиденциально. Тайна.

Сима кивнул, принимая решение, и сказал:

– Завтра с ним поговорю.

– С ума сошел?! – я испугался, чувствуя холодный пот подмышкой. – Как это ты с ним поговоришь, если я тебе ничего не говорил, и ты ничего не знаешь?!

– Я догадался. Точно! Я догадался.

Я отложил в сторону бутерброд и отрешенно уставился в стену. Челюсти продолжали механически пережевывать пищу, но вкус исчез. Я никогда не куплю себе кожаную куртку. Никогда. Я не умею держать язык за зубами. И бизнес вряд ли заметит потерю в моем лице. Миллионы пройдут мимо.

– Ладно. Не дрейфь. Я тебя не сдам. Но ты испортил мне вечер. Ты должен мне, – многозначительно сказал Сима. Ох, как я ненавидел этот мягкий вкрадчивый голос, за которым скрывалась катастрофа и полный хаос.

– Я уже сказал: хата твоя.

– Праздник состоится! – Он был очень уверен в себе, в своих словах, в Брагине, в женщинах, которых надо было ещё вызвонить или где-то найти. А, что если я не открою дверь и не отвечу на настойчивые звонки. Что тогда? А?

– Ты должен мне праздник. – Сима отхлебнул в последний раз из чашки и заторопился. Ему ещё предстояло всё организовать. Главное, что было место.

Через секунду я смотрел, как он одевает ботинки. А он смотрел за меня, и на лице его изумление граничило с крайним удивлением.

– Ты решил снять занавески? Меняешь стиль? Превращаешь хату в дешевый притон?

Страшная догадка меня парализовала, но я нашел в себе силы обернуться. Кот снова отличился: занавески были сбиты в мягкую постилку, и хорошенько испачканы, страшно подумывать чем. Так хорошенько, что зверь сейчас прятался под кроватью и гневно, предостерегающе ворчал, сильно напоминая исчадие ада.

Тебе конец, дружок. Пощады не будет.

– Всё в порядке. Просто готовлюсь к стирке.

– Не вовремя. На носу – праздник. – Сима накинул куртку и умничал.

– Я уберусь. Успею.

И я мягко выставил друга за дверь. Он что-то ещё кричал про праздник, пугая и так несчастных соседей, которые мечтали о моем переезде, но я же не мог их бросить? Слово «праздник» стараниями Симы плотно врезалось мне в голову. И, кажется, я начинал бояться всего, что с ним связано.

Впрочем, мысли сейчас у меня были только о коте. Что прячется в углублении занавесок – я знал. Кот тоже. Сима догадывался. Но вот чего не знал, кот Пит – это сколько ему придется сидеть в туалете – карцере.

Мы долго бегали по трем комнатам. Злобно шипели друг на друга и, наконец, человек победил. А может животное устало. Так или иначе, я запер его в кутузке и сел на стул, тупо уставившись, в чашку с холодным чаем. Сердце ритмично билось в груди, а руки мелко подрагивали.

Надо что-то делать с котом.

Отдать его сердобольной бабушке.

Но где её найти? Где её найти? Поиски! Надо организовать поиски.

Белое не может всегда побеждать черное. Наступит дисбаланс, и я просто сойду с ума. Представляя звериное торжество, я поёжился от внезапного холода.

Я отхлебнул травяной настойки и вспомнил про занавески. За уборкой, когда я замачивал мамину любимую реликвию, меня застал новый звонок в дверь. Я в панике замер.

Нетто чтобы я очень не любил гостей.

Иногда они в радость.

Сима снова провёл меня. Его друзья поджидали в подъезде подходящей минуты и сейчас толпились за дверью, мало думая о моих страхах.

Снова раздался требовательный звонок и я в очередной раз пожалел, что живу без родителей.

Я бросил в ванную занавески. Мыльная вода мирно поглотила материю и, злясь на чужое нетерпение, пошел открывать.

То, что я увидел, поколебало мои стереотипы. А они у меня были каменные. Устойчивые и выработанные годами нелегкой жизни.

Я думал, что после работы на мертвом заводе, меня трудно чем-то удивить. Я бы и чемодан с деньгами обязательно вернул хозяину, найдя его и в Бразилии – папа всегда говорил – не бери чужого, не будешь лишен своего. А, когда папа говорит на протяжении всей твоей сознательной жизни одно и то же – это начинает походить на затянувшийся гипнотический сеанс. Что-то типа: не пей, не пей – напьёшься через год и ты начинаешь верить, что ты получишь незабываемые ощущения.

На пороге стоял мой старый приятель. Человек, который был мне, как брат, с которым мы вместе ходили в походы, ели из одного котелка и занимали себя прочими культурными программами. Это был друг для души. Светлый и добрый парень. Застенчивый по натуре до фанатизма. Непьющий и тем более не курящий. Вечно в черных брюках с идеальными стрелками и в однотонной рубашке (в данный момент голубой).

И сейчас он стоял в обнимку с девушкой, которая была из другого мира. Точнее мирка. Закрытого мирка. Где ездят на джипах перекаченные парни, которые ходят с килограммовой цепочкой на шее и, которых сопровождают, как раз такие девицы: разодетые, раззолоченные, симпатичные твари с холодным просчетом в глазах. Я видел таких куколок иногда издалека. И никогда не думал, что одна из них будет стоять на пороге моего дома.

Именно эти глаза меня изучали. Внимательно шупали. Сантиметр за сантиметром. И ничего в них не читалось, потому что это был всего лишь я, вспомнивший о пачке дешевого маргарина на столе, которую я не успел убрать.

– Привет, – сказал Саня и добавил, после выдержанной паузы, не без идиотской гордости, – удивлен? Знакомься – это Аня.

Я мог поклясться, что Аня была настоящей блондинкой метр восемьдесят роста, и на шее у неё болталось цепочек семь. Я тупо рассматривал кулоны – они как раз грудой висели у меня перед глазами.

– Привет. – Девушка приветливо улыбнулась. – Александр мне много рассказывал про вас. Вы – гений?

Пол дрогнул у меня под ногами. Во-первых, Саню никто не звал Александром. А, во-вторых, это что же нужно про меня такого наврать, чтобы я стал вдруг гением?

Я уже чувствовал катастрофу. Я герой фильма про катастрофу. Точно. Потому что слишком частое ощущение за последние два часа. Черно-белый фильм, снятый психопатом из психбольницы. Фильм – ностальгия. Где никто не выживает. Даже коты и тараканы. Всё гибнет в гигантском облаке пыли. И обязательно истинный герой устало посмотрит на крушение мира и радостно улыбнется, чувствуя, что после него останется только добрый хаос.

– П-привет. П-прошу.

Я несколько секунд смотрел, как они раздеваются в обшарпанном времени коридорчике. На эту дорогую куклу, на которой всё стояло дороже, чем моя жизнь и, наконец, вспомнив про маргарин, умчался на кухню. В туалете протяжно и жалостливо мяукнул кот.

– Запах какой-то, – сказала Аня, чуть морща слишком правильный носик и осторожно входя в кухню, – специфический. У тебя есть дома животное?

– Ага. И не одно.

– Это шутка Аня, – сказал Саня, натянуто улыбаясь и вытирая потные ладони о брюки. – У него только кот. Где Пит?

– В тюрьме. Где же ещё?

– У меня тоже есть дома кот. Египетская порода. Без шерсти. Четыреста долларов. Это дешево, – поспешно заметила девушка, скромно улыбаясь. Она удобно умастилась на краешек потрепанного времени и когтями кота стула, скрестила ноги, так что я не мог больше ни о чем думать кроме них, и миролюбиво уставилась на меня. Я с трудом вспомнил, что должен играть роль гения.

– Я своего кота на помойке нашел котенком. Обычный вырос кот. Недорогой.

– Это он скромничает! – воскликнул Саня. – У него первоклассный кот! Похож зверь на маленькую карликовую пантеру! – При этих словах я поморщился и подумал: «Ага. А моя квартира – это непроходимые джунгли!»

– Интересно было бы на него взглянуть! – обрадовалась чему-то Аня и всплеснула ладонями. Я увидел на правой руке груды золотых браслетов. И ещё: какой дивный маникюр – с блестками и бусинками.

– М-м-м. Попозже. Он сейчас в туалете.

Аня улыбнулась ещё шире. Саня захрипел, прочищая горло и зыркнул на меня. А чего я того сказал? Никого не обманул! А вот тебя парень водят за нос. Плохая история. Облезлые коты за четыреста баксов. Я таких денег за два года на заводе не заработал.

– Ничего. Увидим его позже, – успокоила всех девушка. – Чем вы занимаетесь, Василий? Александр говорил мне, что вы пишете книжки. – При этих словах я вздрогнул. «Книжки»? Кто-то пишет романы, статьи, поэмы. А я значит «книжки»? – Я знаю, что ваш труд, не всегда... находит должного понимания и поэтому у вас, наверняка, возникают некоторые проблемы, например, финансовые, которые надо как-то решать.

– Вы не педагог случайно? – неожиданно для себя и всех остальных спросил я.

– А как вы догадались? – воскликнула Аня. – Я студентка педагогического института. Четвертый курс.

Саня, кстати, учился на третьем.

– Чутье. Да. Проблем у меня много. «Книжки» не идут. Издатели говорят, что пишу туповато и, в основном, для круга друзей. Поэтому я работаю на заводе.

– У вас свой завод?! – воскликнула Аня.

Чужая мысль меня парализовала. Так и сердце может когда-нибудь остановиться. Я уставился в точку на стене. Потом перевел взгляд на Саню – он рассматривал ногти и выглядел очень скромно. Интересно, он сказал, что я богатый гений или просто больной озлобленный маниакальный тип.

– Слушай. Давай просто на ты.

– Давай.

– Чаю?

– У него он специфичный. С травой! – с воодушевлением вскричал Саня. Впрочем, какая разница? Всё и так испорчено. Она только меня увидела и сразу всё поняла. Сейчас, я думаю, девушка играла спектакль с одним главным героем. Точнее героиней. Явно про катастрофу там ничего не было написано. Возможно, окружающие её люди просто не существовали или являлись вынужденным интерьером. Санька не был таким глубоким аналитиком, как я, но тоже погрустнел.

И тогда я вытащил из холодильника две банки черной икры.

Имитированной.

Страшно признаться – я берег их на свой день рождения, но данный повод стоил того. Эффект оказался правильным: я рассчитывал, что девушки типа Ани, вряд ли знают, что черная икра может быть ещё и ненастоящей, и оказался прав – такое ей даже в голову не пришло. В мире, где принцесса обитала, ели только натуральные продукты. Беда была в том, что мы с Санькой к нему не относились.

– Сейчас бы холодного шампанского, – блаженно прошептала Аня, жуя черный хлеб с икрой. Замечание девушки ушло в никуда. Санька неожиданно захотел чаю, я его поддержал. И Анне пришлось довольствоваться травяным настоем. Мята сделала своё дело, и сняло напряжение. Оказалось, что они знакомы четыре дня. Познакомились в студенческой столовой. Как? Смешной вопрос. Аня смущенно хихикала. Саня гасил улыбку в правом уголке рта. Прямо ковбой какой-то. Неделю назад считал стипендию при мне и выглядел совсем не так. Девушка занималась бальными танцами. Так получилось, что она осталась без партнера. Атле-

тически сложенный Саня, который с детства занимался ушу и туризмом, как нельзя, кстати, подошел на эту роль, вынырнув с подносом в руках в оживленной столовке прямо перед ней. Случайный выбор, простое предложение и страстные четыре дня.

Саня кивал головой, веря каждому слову, загипнотизировано, смотря в рот девушке, ловя её дыхание.

Интересно: хватит ли терпения и увлечения страстной танцовщице на следующие четыре дня? Как скоро она перестанет забавляться моим другом? Ударит его больно, так что непьющий парень сопьется или мягко пустится в объяснения, поясняя причину возникновения нового партнера по танцам?

Бедный Саня.

Но сегодня у него праздник. И я его не испорчу. Жаль, что икра быстро закончилась. Оставался мой интеллект, не съеденный до конца заводом. Гением я, конечно, не являлся, но четыре раза поступал в пединститут на филфак, так что спокойно мог цитировать от Твардовского до Пушкина, и, знал, о чем писали в своих критических статьях Луначарский и Белинский. Из всей этой мешанины сформировалось моё представление о литературе, искусстве и, наверное, жизни. И в чем-то оно было верным. Моего образования, как папа говорил – среднего и четыре коридора – хватило для общения с Аней. Сыграло и то, что круг общения у неё в основном был другой. Там парни говорят мало и предпочитают словам действие. И не одно. И с вариантами. И с обязательным продолжением в середине следующей недели.

Не учла она только одного: почти все мои друзья, знакомые, одноклассники какое-нибудь отношение имели к пединституту. Так, по – моему представлению, мой одноклассник Золушкин должен был учиться с ней в одной группе. Мир тесен, когда живешь в маленьком городке, где есть только один вуз.

– Золушкин? – Аня изобразила удивление, но я то видел, как дрогнули её губы, – никогда о нем не слышала.

После пяти часов беседы, после съеденных двух банок икры и критика Белинского, который вдруг стал нам очень близок, я решил настоять:

– Да как же так?! Золушкин! Красивый блондин! Вьющиеся волосы! Такого сложно не заметить, когда учишься на физмате.

Аня потрогала себя за щеку, изображая глубокое раздумье и, решившись, категорично заявила:

– Нет. Определенно, я никогда о нем не слышала. Такой парень у нас в институте не учится. Правда, Александр?

– Может он из другого корпуса? – предложил друг.

– Да? – Я нерешительно замялся и ступешался. – Возможно, я ошибаюсь.

На этом наша дружеская беседа закончилась. Она иссякла. В этом, конечно, виноват я. Голову мою лихорадило. Мозги взрывались от информации. Я был компьютером. Я взвешивал факты. И я потерял интерес к беседе.

И Аня занервничала.

С чего бы могла возникнуть её паника? Если Золушка был тоже её партнером по бальным танцам, что с того? Сане и так придется нелегко. Я бы не стал загружать его лишней информацией.

Они стали отдаляться от меня. Мирная иллюзия рушилась, и холодок отчуждения медленной крутящейся змейй пополз между нами.

Аня посмотрела на часы.

Саня тоже.

– Ого, – воскликнула девушка. – Однако.

– Да. У Васьки время быстро проходит.

– Пора домой. Нам ещё добираться в другой конец города.

– Жаль, не успели на последний троллейбус! – вскричал Саня. Аня холодно смерила его взглядом. – Это была шутка, – виновато сказал мой друг. Я прищурился.

И вот они уже стоят в коридоре. И мне кажется, что ещё не всё потеряно и праздник у Саньки продлится ещё хотя бы на четыре дня, но тут раздаётся звонок в дверь.

– Ты кого-нибудь ждешь в два часа ночи?

Я пожимаю плечами и открываю дверь – Сима должен был прийти, но на пороге стоит... Золушкин.

Какое нелепое стечение обстоятельств. Бывший одноклассник не считался моим другом, и виделись мы с ним раз в два года. Сейчас он стоял на пороге, согнувшись от злого хохота, и тыкал в меня корявым пальцем.

– Ну и вид у тебя, придурок!

– Сам ты придурок! – огрызнулся я, собираясь закрыть дверь. Признаться, что-то я устал от гостей. Хватит на сегодня.

– Подожди. Я же к тебе в гости пришел. И не один. Дело есть. Вот мои друзья. Знакомьтесь. Игорь и Игорь. А это Васек. Впустишь?

Я не хотел впускать, но Золушкин вошел сам, отталкивая меня плечом. Пришлось пробормотать:

– Входите.

И они вошли. Строем. Втроем, плечом к плечу. Тесня меня в глубину коридора.

– О-о-о!! Анька!! Привет, коза. А ты чего здесь?!

Они чуть не расцеловались. Потом Золушкин заметил Саньку, быстро разделся и прошел с друзьями в кухню. Я прикрыл за ними дверь, но дикий хохот прорывался сквозь щели. Досадно.

Выдержка у девушки была железной. Про таких представительниц слабого пола говорят: кремь-баба. Ничем не пробьешь. Сказывалась долгая привычка ходить по трупам.

– Ну, мы пошли, – сказал Саня, печально заглядывая мне в глаза. Рука у него была теплой и мягкой. Никак у трупа.

– Покойной ночи, Аня, – неожиданно пожелал я и, сам того не желая, попал в самую точку – ночь у неё будет не самая приятная, когда останется одна, наедине со своими мыслями.

– Пока, – сказала она и улыбнулась на прощание. Со сто процентной гарантией я мог сказать, что больше её не увижу. Но, что я знал о будущем?

– Пока. – Я кивнул головой и закрыл за ними дверь.

На кухню входил со смешанными чувствами. Во-первых, оставалась мне спать до смены четыре часа. Во-вторых, гости уже дымили втроем и сбрасывали пепел на мой палас. В-третьих, не сильно я и хотел видеть Золушкина.

– Ну, ты, что? Не рад?! – спросил он, чуть обидевшись. – Что поздно?! Два часа ночи – это, что поздно?

– Да, нет. Нормально.

– Ну, ты старик, меня удивил.

– Откуда ты знаешь Аню?

– Так вместе учимся на одном курсе. Правда в разных группах, но это ничего не меняет. Кто не знает Аню?

Игорьки заржали. Оба под два метра. Физмат, так и читался на их банальных лицах.

– Слушай. – Золушкин поднялся, обнял меня и подмигнул. – Мы с Игорьком идем на свадьбу к лучшему другу.

– Поздравляю.

– У меня есть белый шарф, а у Игорька нет.

– И что с того. – Сразу насторожился я.

– У тебя есть! Представляешь, как здорово мы с ним смотрелись на свадьбе лучшего друга в белых шарфах?

– Да? Думаешь – это важно?

– Это очень важно. Мы не можем выглядеть полными лохами. Ты должен дать нам шарф. Должен.

– Почему я?

– Больше ни у кого нет. – Золушкин перестал меня тискать и вздохнул. – На три дня. Три дня! – Он растопырил четыре пальца и тыкал мне в лицо. – Каких-то три дня. Игорь классный парень. Он стирает и отдаст.

Я посмотрел на «классного» парня и понял, что шарфа больше никогда не увижу. Но Золушкин был моим одноклассником и, если бы я не дал требуемой вещи, все бы узнали, какая я сволочь.

– Ладно. – Я прошел в коридор к шкафу прихожей. Золушкин следовал за мной по пятам. Дверь шкафа всплкнула на прощанье, расставаясь с дорогой для меня вещью и, заткнулась. – Вот шарф. Три дня.

– Спасибо, Васек. Я был уверен в тебе. Жаль, что ты не поступил в институт четыре раза. Сейчас бы учились вместе. Такие дела.

– Мне бы надо поспать.

– Да-да. Уходим!

Мы вошли с ним в кухню и остолбенели. Игорьки раскрыли бутылку водку и пили. На нас посмотрели с непониманием – что за люди.

– Без меня пить! – Обиделся Золушка. – Без меня!

– Садись Золушка. Садись и ты, непонятный хозяин хаты. Все мы странники Млечного пути.

О-па. Я сел. Мне уже налили полстакана водки и протягивали заботливые руки краюху черного хлеба.

– Я не пью водку.

– Не пей, – согласился со мной Игорь и залпом выпил мою долю.

– Не гоните! – прокричал Золушкин. – Опять накидаемся до беспамьяства. – Мне же он подмигнул мимоходом. – Сейчас допьём бутылку и уйдем. Не волнуйся. На улице холодно. Мы же не бичи. Правильно?

– За это и выпьем, – провозгласил один из Игорьков. И они довольно таки быстро прикончили первую бутылку. Я обрадовался, но не надолго, до тех пор, пока кто-то не вытащил из внутреннего кармана пиджака вторую, не откупорил её и не стал наливать, как ни в чем не бывало дальше.

– Знатная закуска, – сказал один из гостей, кивая на черный хлеб. – Давно не ел.

Золушкин покраснел.

– У тебя гитары нет? Сейчас попоем.

– Гитары – нет.

– Как нет? – вскричал Золушка.

– Ты же нам обещал, – зло пробормотал Игорек, обращаясь к моему однокласснику.

– Сука, – набычился второй и завертел стакан в руке. Стекло жалобно взвизгнуло.

– Давайте так попоем? – вяло предложил Золушка.

Я начинал закипать. Нос чесался. Щека у глаза стала подрагивать. Правый кулак сжался до боли в суставах.

– Нет. Петь вы не будете.

Игорьки хмуро посмотрели на меня. В их стеклянных глазах промелькнула какая-то мысль, но похожая на комету здравый смысл растворился сумрачной тупой безнадежности. Золушка притих, шкрябая щетину на шее.

- Почему? – В голосе слышалась прямая и явная угроза.
- Ответь! – потребовал другой студент.
- Поздно – соседей разбудите.
- Тогда сейчас допьём и пойдём на стройку, – предложил крайний Игорь. Вот она смерть. – Я видел там кран. Залезем на него, и будем смотреть на ночной город, – предложил он. Золушкин нервно захихикал. Прослезился. Вытер глаза грязными пальцами с обгрызенными ногтями. Поёрзал на стуле.
- А, что? И пойдём. И залезем.
- Вот ведь классная идея! – воскликнул третий из них. – Наверное, там нет перил, и мы обмочимся от страха.
- Какие перила? – Вновь время остановилась, нагнетая тьму ужаса и поножовщины. – Зачем нам перила? Ночной город и мы. Мы, как птицы упадем на него. Мы – крылатые воины. Дети войны! И не будет пощады неграм. – Игорь задумался и закончил. – И белым.
- Давайте не будем сориться, а лучше выпьем. – Золушкин улыбался, протягивая стакан. Его руку оттолкнули.
- Прочь.
- Да, Сид. – «Сид» – это укороченное от английской Золушки – кто-то в школе придумал вскользь, и теперь парень мучался всю жизнь. – Халявы не будет. Доставай свою.
- Что? Думаете Сид жадный? Думаете, я забыл? А как же студенческое братство? И на столе появилась третья башня.
- Ты должен с нами выпить, – взволновано прошептал Золушка. – Должен. Ты ведь, почти студент. Знаете, что парень неудачник? Он четыре раза поступал в нашу хабзайку. Четыре раза! Он наш! Наш парень, до мозга костей.
- Пей! – закричал Игорь, наливая мне пластиковый стакан до краев. Второй хотел меня поцеловать, но я предпочел лучше выпить. Дешевая водка обожгла нутро. Через пару минут, мысль посетить кран не казалась мне абсурдной.
- И мы всё-таки спели. Правда, без гитары. И только два куплета. Оказалось, что петь хором довольно таки сложно, когда четыре человека поют каждый свою песню.
- Через полчаса свалился один Игорь и громко захрапел. Второй продолжал пить с Золушкиным и спорить ни о чем.
- Тебе весело? – спросил одноклассник, когда его собеседник примолк, решив поспать за столом. Золушкин заглядывал мне в глаза и игриво улыбался.
- Да. Очень.
- Мы те, кто дарит праздник. – Золушкин сам верил в то, во что говорил. – Как ты живешь, бродяга? Я думал, завод со всем тебя поглотил – не вынырнешь. А ты ничего. Держись. Надо бы сбежать за бутылкой. У тебя деньги есть?
- Нет.
- Ты же с нами пил! Мне надо догнаться и упасть. Что же – это за праздник, когда доживаешь до торта и помнишь почти всё?
- Ухожу я с завода, – неожиданно сказал я, перебивая его.
- Опять будешь поступать?! – Мне показалось, что я слышу плохо скрытый ужас в голосе. Хороший парень, хоть и одноклассник – волнуется, сопереживает.
- Хватит. Руся зовет меня в бизнес. Откроем ларек. А там будет видно.
- Возьмет тебя к себе ночником? Ночью сидеть страшно. Много пьяных. Каждый второй – бандит.
- Нет. Сделает напарником.
- Мне тоже предлагали идти ночником. Не рискнул. У меня сессия скоро.
- Говорит, что прибыль пополам.

– Я бы на твоём месте не пошел в ларек ночником. Хиловат ты. Побьют. Отберут товар. Потом квартиру продашь. Не ходи.

– Не пойду.

– Правильно! Я и то не пошел. – Сид подпер голову рукой. Закрыв глаза. Игорек, тот, что спал за столом, встрепенулся и сказал:

– Когда будем взрывать завод? Мне понравился ваш план. – Через секунду он снова храпел.

– Не ходи ночником. – Сид усиленно тер лоб и виски. – Черт. Что за праздник? Даже не потерял сознание.

Я кивнул. Мне тоже хотелось потерять сознание.

Зазвонил будильник. Игорьки стали подниматься, заглядывать в разные углы, что-то ища.

– Что это? – Золушкин слушал противный звук, медленно поднимаясь. Пьяные глаза стекленели. – Что это?!

– Это? Будильник. – Я тоже поднялся.

– Уже утро? – удивился одноклассник. – Утро?

– Утро. И мне пора на работу.

Игорек остановился посередине кухни и хмуро посмотрел на нас.

– Где мои учебники? – спросил он.

Глава 2

Мне всегда снились про работу черно-белые сны. Кто-то скажет: ранимая психика, кто-то понимающе хмыкнет. Не было во снах леденящего кошмара, только просыпался я всегда после них в холодном поту. Ненавижу черно-белый кафель. Сразу вспоминаю крыс, рыбный фарш и старших мастеров (самая смешная должность на производстве).

Никто не заметил моего ухода. Бригадир, простая тетка, на замену отпусков ставшая мастером, взволнованным шепотом докладывала директору по производственной части, что люди почему-то не хотят работать и бегут, бегут при каждом удобном случае. На что он ей ответил, таким же таинственным шепотом, пускай убегают – биржа труда ломится от безработных, желающих поработать в таком престижном месте очень много. Свято место не бывает.

Жалко, что я это слышал, пробегая мимо, играя роль беспроводной рации между рабочими на первом этаже и четвертом.

Жалко, что я не смог ничего ответить члену совета директоров продвинутого акционерного общества.

Жалко тех лет, что я провел в этом черно-белом сне.

Хорошо, что отрицательные эмоции остались в прошлом, от которого не убежать можно было только по детской наивности. Рассчитали меня, как и положено, через две недели, а вот за расчетными деньгами я должен был начинать бегать через пару месяцев – не раньше – в порядке очереди. Я чувствовал в ситуации провокацию, но Руся сказал, чтобы я не забивал себе голову и начинал думать только о сникерсах.

И я думал.

Мы поднимались в крутую горку. Мотор «восьмерки» нещадно хрипел, готовый умереть или взорваться, крутя колеса, но мы медленно и верно обгоняли троллейбусы, спеша к конечной цели – предстояло заключить договор субаренды на торговый павильон. Просили за него среднюю цену, Русе место понравилось, и мы взялись за дело. Первое в моей жизни.

Из динамиков автомобильной акустики доносились завывания Вити Цоя. Другой кассеты у Руси не было. Эту я подарил ему на день рождения в прошлом году.

– Слушай и молчи! – неожиданно громко сказал напарник, перекрикивая музыку и шум мотора. Я высунул голову из окна, потому что как раз рассматривал троллейбус, который мы обгоняли. Посмотрел на друга. Серьезный вид, подтянутые губы, холодный блеск глаз – воин перед битвой.

Сражения. Драконы, рыцари, колдуны и гоблины. Белая и черная магия. Красавицы и кровь. Я тоже частичка выдуманного мной мира. Дух сразу захватило. Какая романтика! Не уже ли я наконец-то нашел свой стиль жизни?

– Ладно, – сказал я и задрожал от неизвестности.

Машина преодолела горку. Мы удачно проскочили пару светофоров на желтый и въехали в переулочек. Несколько фасадных домов, выходящих на центральную улицу и «восьмерка» припарковалась возле приземистого двухэтажного домика. Такие строили сразу после войны военнопленные немцы и в них до сих пор жили в коммуналках бывшие советские люди, не успевшие вовремя «перестроиться» или по не внимательности своей упустившее из вида происходящие в стране перемены, называемой «перестройкой». Потому что после неё очереди на квартиры исчезли вместе со многими работами.

Я покосился на туалетную будку. Грубые доски плохо покрашенные маслянистой белой краской зияли темными щелями.

– У них здесь офис?

Руся хмыкнул.

– Выходим.

Мне показалось, что на нас смотрят из окон второго этажа. Слеповатые глаза успели заметить рябь занавесок, чьи то лица, руки, блеск линз очков.

– Нас не надуют?

– Это фирмачи, – просто ответил Руся и весомо добавил, когда мы входили в обгаженный подъезд, – я проверил.

На втором этаже нас ждали. Директором фирмы оказалась бесформенная женщина лет пятидесяти. Осветленные соломенные волосы беспорядочно падали на борцовские плечи, делая её похожей на Страшиллу из известной сказки о волшебнике из изумрудного города. Красная помада соответствовала моде и являлась образцовым «стоп-сигналом». При виде жирно обведенных черной тушью глаз, вспоминался анекдот: где твои деньги? – в мешках – а где мешки? – под глазами. Возле, постаревшей Марлен Монро, находилась небольшая свита. Всех приближенных можно было сравнить с собачками: болонками, дворнягами, пудельками. Среди своры выделялся молодой кобелек доберман, не то водила – охранник – сторож, не то любовник-курьер. Мы отказались от чая. Руся покрутил в руках договор, потом передал его мне и я принялся за чтения, иногда слушая обрывки монолога директора. Говорила она что-то типа:

– Молодые. Совсем юные. Страх есть? Мамаша вас прикроет. Дорогая аренда? А чего вы хотели! Я же сказала, что буду вас прикрывать. Сюда входит и плата «крыши». Думаете, я всегда здесь сидела? Я, между прочим, хорошо знала Капитана. И всё было со всем по-другому, пока его не убили. Плата вперед. Вопросы?

Я подумал, что это она меня спрашивает и, сильно волнуясь, спросил:

– Мне не понятно про аренду земли. – Я слышал, как сильно стучит сердце и дрожит голос, но ничего не мог поделать с собой.

– Кто это?

– Это со мной, – ответил на грозный окрик Руслан. – Что там про аренду земли? – Он сделал заинтересованное лицо и посмотрел в договор. – Заканчивается через два месяца. – Он посмотрел на женщину. Всё это время она сидела, возглавляя экзаменационную комиссию, а мы жались около двери. Я почувствовал, что меня снова принимают в комсомол. Сейчас выгонят. Нет. Ага. Вот сейчас точно. – А, если мы сработаемся, вы сможете продлить аренду земли?

– Конечно! – занервничала женщина. – Ты во мне сомневаешься?

– Нет.

– А тот, что с тобой?!

– Я тоже «нет».

– Отлично. Деньги и ключи?

Руся кивнул. Он шагнул вперед, вытаскивая на ходу толстую пачку денег, часть из которых были моими несуществующими расчетными и, после короткой церемонии, вернулся ко мне со связкой ключей.

– У меня в ларьке двенадцать ящичков водки. Продадите?

– Продадим, – согласился Руслан. Легко и непринужденно. Душевно улыбаясь.

– Верочка, выдай бумаги на товар.

Верочка играла роль бестолкового пуделя. Странно, но в конце её поисков бумаги нашлись. Даже кобелек доберман проснулся и удивленно шурился на то, как она бабахает печати на разноцветные листочки.

– Через три дня приедем – посмотрим, как устроились, – сказала директор, давая понять, кто тут главный и кто кого станет контролировать. Я вспомнил завод. Старших мастеров. И погрузнел.

Свежий воздух привел чувства в порядок. Перед тем как сесть в машину, я долгим взглядом посмотрел на окна офиса, потом почему-то сплюнул и, наконец, занял место штурмана.

– Они будут нас контролировать?

Руся улыбнулся, сдавая назад.

– Они думают, что будут нас контролировать. – Он закрутил баранку, выворачивая. – Суют нам водку по дикой цене на реализацию. Наивные. Посмотрим, кто из нас диктует условия, а кто их выполняет.

– Куда мы теперь?

– За товаром. Завтра я пробью точки, где можно взять товар на реализацию. Сегодня же купим кое-что за наличные. У меня кругом друзья. Не робей!

Я не робел. С чего он взял? У друзей мы купили пиво, сигареты и конфетки. При чем «друзья» при погрузке товара обсчитались в нашу пользу, и мы загрузили в багажник вместо трех ящиков пива пять. Я рассматривал бутылку с заграничной этикеткой и счастливо икал. Нет. Пиво я не пил. Меня поразило другое: мы ещё не начали работать, а уже появилась прибыль.

Доехали до ларька в сопровождении крана – Руся просто посигналил, проезжающей мимо машине и, переболтал с шофером, и в итоге мы развернули ларек к проходимой улице витринной, а не боком, как это было положено по договору, всего за две бутылки пива из дармового ящика.

Руся показал мне, как работать с кассой и мы открылись, заполняя полки скромным товаром. Выставляя навязанную арендодателем водку, Руся поморщился, рисуя ценник.

– Запомни! Всегда на весь товар делаем двадцать процентов. Больше можно – зависит от спроса. Меньше нельзя – пролетим. Усек?

Я мотал на ус, радуясь жизни. Вот она свобода!

– Вечером привезу паленку. Без паленки мы пропадем. Левая водка, – пояснил он, видя моё замешательство.

– И что? Её будут брать? – Я присел от неожиданности.

– Посмотришь!

Руся хмыкнул и с кем-то заговорил, потом щелкнул по кассе, положил первую денежку и выдал первую пачку «Бонда».

– Не забывай улыбаться и говорить «спасибо». Считай, всегда на калькуляторе. Дважды. Один раз в уме. Сверяйся по ценникам, пока не запомнишь. Всё. Я пошел.

– Куда? – удивленно спросил я.

– Договариваться о реализации и прочей ерунде. Или, может быть, ты этим займешься?

Я только, что расстался с заводом и вряд ли годился на такую важную роль.

– Не дрейф. Через два часа приеду и сменю тебя на обед. Идет?

– Идет, – сказал я, мрачней. Не так я себе представлял бизнес. Я думал, что мы вместе будем сидеть в ларьке, травить анекдоты и продавать всякую чепуху, ездить за товаром и такое прочее. И ещё. А где драконы и пышные плюмажи шлемов? Какое-то расхождение в ожидание.

Я почесал ухо, отводя глаза. Впрочем, Руслан на меня и не смотрел. Зря я боялся выдать своё разочарование.

– Время – деньги, Я побежал.

Я закрыл дверь за Русей на прочный засов и растерянно сел на поломанный стул напротив окна. Первый покупатель купил у меня сникерс.

К вечеру я почти их всех продал. Руся так и не приехал меня подменить на обед. Но когда стало смеркаться, он приехал груженный, полный товара. В сильной задумчивости я таскал ящики со спиртным и прочей ерундой. Я думал о коте, обеде, уютной квартире и о том, что данная работа мало, чем отличается от прежней эксплуатации. Руся внимательно выслушал меня, после расстановке товара на витрине и, заботливо поглаживая кассу, сказал:

– Продал все сникерсы? Чудесно. Видно рядом любители попить чайку и перекуров. Завтра купим две коробки. Обед? Видишь ли, надо сделать упор на шоколаде. А, что с сигаретами? Я тоже не был на обеде. Но это работа отличается от того, чем ты занимался. Я докажу

тебе. – Руся посмотрел на часы и принялся картонками закрывать спиртное. – После двадцати торговля спиртным запрещена, знаешь?

– Слышал.

– Люблю это время. – Руся принялся выгребать из ячеек кассы деньги, считая их. Получалось ловко. – Не сбивал деньги в пачки? Надо сбивать, прессовать денежки и складывать их в укромное место. Также учись считать деньги. Возьми пачку мелких купюр и считай в свободное время. Чем быстрее будешь шевелить пальцами, тем лучше. Не плохо для первого дня. Устал?

– Нет. Не привычно. Людей боюсь. Многие лезут в форточку знакомиться.

– Могут пригодиться. А могут, и нет. – Руся пожал плечами. – Никогда не угадаешь. Не давай в долг. Не давай под залог документов. Нам нужны только одни бумажки. – Партнер показал на пачку денег. В форточку требовательно постучали. – Так. Пошел волшебный час торговли. – Друг детства отложил в сторону деньги и приветливо улыбнулся в узкий проем. Из форточки потянуло сквозняком и перегаром.

– Водка есть?

– Не положено. Приходите утром.

– Да вы будете у меня на перекрестке сосать!! Давай, что лучше! И быстрее мальчик. – Ну, Руся и дал, накручивая двойную цену. Излишек заботливо уложил в свободную ячейку, не забывая мне подмигивать и мурлыкать себе под нос старый шлягер. Вслед за первым клиентом, появилась ещё парочка. После них закрылись. Вышли на улицу, одели ставни. Постояли, любуясь свинцовыми тучами. Наступал полярный день – темнота появится не скоро. Через дорогу, напротив, на остановке ларек ещё работал. Руся вздохнул.

– Он должен стать нашим. Тогда мы сможем диктовать цены. Сейчас мы им не конкуренты. Пока.

Он улыбнулся и поманил меня в ларек. Там мы разделили излишек.

– Главное не наглеть. Менты не спят. Когда-нибудь попадемся. Увидишь. Не без этого. В принципе, зарплата нам не нужна. Вечерних денег всегда будет хватать на пропитание. Всё остальное в дело. Идет? И ревизии. Мы свои, поэтому будем делать раз в десять дней. Без ревизии пропадем.

Слово «ревизия» меня напугало и немного напрягло. Руся, видя моё замешательство, отвел глаза в сторону и кашлянул. – Ладно. На сегодня хватит. Пора по домам.

Я что-то так устал, что отказался от предложения подвезти меня домой. Решил прогуляться. На свалившиеся деньги, приобрел две бутылки шампанского (всегда пригодится, когда у тебя есть девушка). Руся сделал мне скидку и отпустил товар почти по закупочной цене. Здорово! Я заработал за день две бутылки шампанского. Раньше о таком даже не мечталось. Меня распирала гордость, когда я шагал по пустынной улице. Редкие прохожие не смотрели на меня и спешили домой. Я нет. Хотя Руся и обещал завтра заехать рано утром. Меня радовало мысль о наступающем лете и денежной работе. Дующий ветер не казался мне холодным, как прежде и запахи рыбной муки, приносимые из порта, не тревожили. Ветер гонял по асфальту мелкую пыль и один из таких порывов, заставил меня остановиться, снять очки и протирать глаза. Острые песчинки выбивали слезы. Со стороны казалось, что я плачу.

Именно об этом меня спросил Сима, высовываясь из окна новой белоснежной пятерки – машина резко притормозила и все, кто в ней был, смешно дернулись.

– Решил поплакать? – Друг беззаботно улыбался. Сегодня он вырядился в белоснежный плащ, (брат подарил, вернувшись из загранрейса) и смешную кепку, которая начинала входить в моду. Этот головной убор мне принципиально не нравился – в детстве я много времени провел на Украине, так вот там, в глухом селе, все ходили в кепках. Только старики называли их «картузами» и свойственно своему возрасту хвастались ими на посиделках у центрального магазина. Наверное, кепки ассоциировались у меня с глубокой старостью. Именно так я пред-

ставлял себе старость: старая лавочка, жаркое солнце и разного цвета «картузы», которые вертятся перед носом глубоких стариков – друзей детства.

– Папина машина? – поинтересовался я, одевая очки.

– Ага.

– Он тебя убьёт.

– Так он же в отпуске!

– Так у тебя же прав нет!

– Так я и не за рулем! – И Сима развел руки в стороны, делая смешную гримасу. И в этом был весь он. – Поехали кататься?

– Не могу. Кот голодный.

– Выгони животное из дому. Оно тебе создает много проблем. Садись! – Семен вылез наполовину из окна и открыл передо мной заднюю дверь. Господи. На меня смотрела дюжина испуганных глаз. На заднем сидении разместилось человек пять. Одна девушка лежала на коленях, другую вмяли в уголок. В шоке никто не мог вымолвить и слова. Сима проследил за моим взглядом и сказал, принимая верное для него решение:

– А ты ложись сверху неё!

Это вызвало бурю возмущения. Только Брагин пьяно хрюкал, пытаясь меня поприветствовать. Потом он уронил голову на грудь и всхрипнул. Наверное, утомился после работы.

– Тогда садись ко мне. Вперед. Уместимся!

Теперь заворчал водитель, твердя что-то про ГАИ, про доверенность, которой нет, про то, что он сейчас уйдет.

– Моя машина! Мой друг! Кататься!!

– Сима. Я пойду.

– Куда ты пойдешь?! Что?! Зазнался? Ларек взяли и зазнались? Тоже мне друзья. Не поедешь со мной – я к тебе на день рождения не пройду. А без меня у тебя праздника не получится!

– Да поехали уже!! – кричали с заднего сиденья, явно обращаясь не ко мне, а к Симе.

– ГАИ! Штрафанут! – шипел водитель.

– Поехали! Я за всех плачу! – очнулся призрак Брагина. Парень полез в карман куртки. – Кому отдавать деньги?

– Мне!

– Мне! – закричали наперебой девушки. – Я передам! Я знаю кому!

Брагин всех расстроил. Он снова погрузился в спасительное для своего кармана забвение, похожее на глубокий обморок. Рука его, так и не дотянувшись до заветного денежного отсека и скрюченно замерла лапкой цыпленка, иногда мелко подрагивая. Наверное, ему снился сон, и он куда-то бежал, размахивая руками. Может даже по радуге. Чудесный сон. Я вздохнул, с трудом отводя взгляд от «цыпленка».

Сима смотрел на меня грустными глазами, возвращая в реальность – из салона шибануло смешанным запахом табака, духов и одеколонов.

– Ну? – спросил он меня.

– Поехали!

И мы поехали. Сначала дворами, потом свернули в промышленную зону. Пару раз нам попадались милицейские узики, но я во время успевал прятаться под приборной доской, девочки на заднем сидении растворялись, принимая вид теней и обходилось!

– Долго будем кататься? – спросил я у Сима, чувствуя, как затекла нога.

– До старой пристани. Брагин премию получил. У нас есть пару ящиков пива, две бутылки водки и тонна сосисок. Посидим напоследок. Провожаем меня в отпуск. Я же с Клавой еду.

Её, кстати, среди присутствующих я не увидел.

– Поедем за Клавой! – закричал очнувшийся Брагин. Его быстро утихомирили. И он снова всхрипнул.

Мы проехали мимо кладбища кораблей. Миновали закрытую зону охраняемых лодок. За сеткой раскинулся малый разнокалиберный флот от переделанных водолазных катеров и буксиров, которые наверняка охраняли, до шлюпок-поплавков со смешными надстройками и рубками. Каждый по-своему смотрел на такое изобилие плавсредства. В моих глазах не читалась зависть. Я никогда не представлял себя моряком и не собирался связать свою жизнь с морем. Брагин тоже не смотрел на лодки. Он спал.

– Иметь свой катер – это всегда хлеб с маслом, – сказал Сима, шурясь в дыму раскуренной сигареты. Я кашлянул, испуганно косясь на огонек возле своего уха. Сима криво усмехнулся, отгоняя дым от моего лица. – Первым делом купи себе катер.

– Катер, – выдохнул водитель и величественно на меня посмотрел. Деньги и я абсолютно два разных понятия, вот что я видел в этих черных глазах.

– У него будет катер, – угрожающе произнес Сима, встряхивая мне пепел на плечо. – Обязательно будет. И парень станет круче Брагина – это точно.

– Круче Брагина – это вряд ли.

– А я тебе говорю... – стал закипать Сима.

«Пятерка» осторожно объехала кучу мусора, проехала ещё метров двадцать и, въехала в редкую поросль карликовой березки, полностью останавливаясь. Справа от нас виднелся разрушенный временем старый причал. Черные сваи напоминали зубы морского хищника, выброшенного на мелководье с темных глубин зловещего моря.

– Да ты краску поцарапал!! – закричал мне на ухо Сима. В следующую секунду он вытолкнул меня из машины и забегал вокруг неё, тщательно осматривая. – Знаешь, что со мной папа делает?!!

– Ерунда. Зато её не будет видно с дороги, – сказал водитель, степенно вылезая из-за баранки. – Хватит портить праздник, Сима. Вечно орешь. Надоел.

– Я порчу праздник?! – завопил мой друг негодуя. – Да это я его организовал. Я!!

– А я финансировал! – подал голос Брагин. – Приехали? Выгружаемся!!

Я мялся, переступая с ноги на ногу, стараясь громко не брнчать пакетом. Задние двери машины распахнулись и из неё десантировались незнакомые мне лица. Сима любил окружать себя бесполезными людьми.

– Я главный!! – вопил мой друг, продолжая стоять согнутым. Ветер развивал его белый плащ. И на фоне мертвых свай он смотрелся очень не дурно. Я уже два раза пожалел, что приехал с ними. В багажнике требовательно застучали. Все стали смеяться, перебрасывая шуточками. Говорить про пиво и про какого-то Вялого. Меня заинтересовала ситуация и я увидел из-за плеч других, как из открытого багажника вылезли парень с девушкой.

– Где пиво?? – грозно спрашивал у них Брагин, готовый драться за каждую бутылку.

– Нам было не до пива, – важно сказал Вялый, и его девушка смущенно захихикала. Ящики оказались нетронутыми и, напряжение заметно спало. Я отвернулся от багажника и не увидел Симу на прежнем месте. У переднего бампера стоял невозмутимый водитель. Он курил, засунув глубоко руки в карманы.

– Ещё немного и я бы дал ему по морде, – и это он сказал мне. Ноздри гневно раздулись. Я выбежал на дорогу и увидел удаляющуюся фигуру друга. Странно, шел он не в город, а в глубь свалки, к морю. Я поспешил догнать Симу.

– Это я организовал праздник! Я! – бубнил он. – Это меня провожают в отпуск. Это я уезжаю!

– Сима!! – кричали за спиной.

– Сейчас пройдем! – крикнул я, оборачиваясь назад к машине, мало заботясь о том, что бы меня кто-то услышал. Машина белым пятном выделялась в кустарнике, где почки

только набухали, хотя по календарю уже настало лето. Вдалеке виднелись низкие серые скалы, но до них никто не собирался идти – компания раскинет костер среди валунов, выбрав чистое и ровное место. Я прекрасно знал дальнейшее, ибо все «праздники» Сима напоминали предыдущую попойку с обязательным разбиванием носа и наигранного изнасилования.

Остро пахло тиной. Гнильём помоев и свалки, которая находилась повсюду. Прекрасное место для пикников.

Сима отчаянно ругался минут пять. При этом он жестикулировал руками, приседал, ходил крабом кругами, тыкал пальцем и плевался мне в лицо.

Чем ближе к морю, к неласковым порывам свежего ветра, тем спокойнее он становился и вскоре со всем замолчал.

Мы подошли к сваям. Был отлив. Вода ушла, открыв не радужные краски дна. Темные валуны в лужах грязной воды, безобразно украшенные тиной, водорослями и бриллиантами осколков битых бутылок, покрышки машин и куски ржавого металла – вот, что осталось нам – созерцателям.

– Красота! – сказал мрачно Сима, кутаясь в белый плащ и натягивая кепку глубоко на уши.

– Свинарник, – согласился я с ним. Мы медленно пошли вдоль моря, выискивая чистое место. Не нашли. Сели на поваленный столб, лицом к морю. Дуло.

– Продует, – констатировал я факт.

– Плевать.

Я покосился на белоснежный плащ Сима и промолчал. Ещё я хотел сказать про его товарищей-компаньонов по празднику и тоже промолчал. Подобными элементами Сима был окружен всегда. В пятнадцать лет он бегал с панками и прочими неформалами, пока я катал железо в спортзале местной общаге; в период до армии он дружил с гопниками и металлистами, а я опять катал железо всё в том же помещении судоремонтников. Сейчас его друзья мало, чем отличались от тех. Не было только спортзала в общаге – весь инвентарь растащили.

Я открыл пакет и достал бутылку шампанского. Протянул Симе. Достал вторую, зажал между ног, а пустой пакет, попробовал засунуть под плащ друга. Тот машинально привстал, читая этикетку.

– Где взял?

– Первый день работы.

– Отнесем девчонкам?

Я попытался вспомнить «девчонок» и отрицательно замотал головой.

– Сами выпьем.

Сима хмыкнул и лихо открыл бутылку. Хлопок и первые глотки пены попробовало море. Я покосился на черные лужи среди подводных камней и тоже отдал дань природе. Мы чокнулись. Выпили. Посмотрели в синее небо и посвистели чайкам. Птицы ответили нам пронзительным криком, сообщая последние новости: где рыбных отходов побольше, кого сегодня утопили, сколько птенцов вылупилось за день и сколько незваных гостей высыпало на берег, не считая нас.

Сима покосился в сторону «праздника», горестно вздохнул, отворачиваясь. Я похлопал его по плечу, успокаивая.

– Знаешь, Оля в отпуск уехала.

– Знаю. Клава сказала. Горюешь? Могу устроить праздник. Потом можем поехать к тебе. Все вместе.

– Посмотрим, – уклонился я от прямого ответа, поспешно глотая шампанское. Шипучка ударила в нос. Закашлялся и отвернулся, промаргивая слезы.

Сима посмеялся.

– Не понимаю. Почему ты не любишь праздники? Когда приедет?

– Через два месяца. В августе.

– Я приеду раньше.– Сима уже что-то просчитывал в уме. – Август обещает быть веселым. Да, Вася?

– Да, Сима, – ободрил я его, не желая сразу бить больно – в самое сердце. Передо мной сидело потерянное дитя гор, усыновленное простой русско-немецкой семьёй. А может, во всем виноват роддом. Пьяные нянечки. Как сейчас вижу: заболтались в коридоре и спутали мамаш. Так появился человек-праздник с южным темпераментом и еврейским прищуром.

– Приеду, – продолжал философствовать Сима, – ты уже будешь ездить на бумере, а Руся сменит свою коросту на мерседес.

– Это за месяц? – усомнился я.

– Дуракам везет. – Сима снисходительно похлопал меня по плечу. – Об одном прошу: не груби не кому. Сдерживайся.

– Да я... Никогда! Они всегда первыми начинают.

– А ты стерпи, а то звонок в дверь...

– И прейдут два горца, – закончил я за него предложение, – которые будут знать только одну фразу: «Вася?»

– Точно. Ты всё знаешь!

Мы помолчали, каждый, думая о своём. Нет ничего красивее белых ночей. Словом не описать (двумя тоже), надо прочувствовать: похоже на открытие второго дыхания, когда срабатывает запасной автономный аккумулятор и ты заново возрождаешься, вдохновенный на подвиги повседневной рутины. Жизнь кажется вечной, время останавливается, превращаясь в бесконечный день, и ночное зло отступает. Словно ты в раю, где всегда светло и уютно и ничего не должно кошмарного произойти. Ты – среди дружелюбных ангелов. В их армии.

Жаль, что не навсегда.

– Я буду с вами, – сказал Сима и кивнул головой, но я знал правду и думаю – он тоже.

Послышались голоса. Гомон, приближающейся подвыпившей компании. Кто-то кричал имя друга. Его подхватили. И вот теперь все скандировали: «Сима!» Я обернулся, и бутылка с недопитым шампанским скользнула из рук в море, которое забрал отлив. Тревожно и очень противно вскрикнула чайка. Словно я ударил её по голове. Бутылка скользнула между камней и плавно опустилась в лужу не разбившись.

С секунду смотрели на неё, потом Сима сказал:

– Плохая примета, – и швырнул свою бутылку, пытаясь разбить мою. Она сделала замысловатую траекторию и... закачалась рядом. Сима чертыхнулся.

– Совсем плохая примета.

– Нет такой приметы, – упрямо возразил я.

– Кто-то испортит праздник. Посмотришь.

– Сима! – Из компании выбежала девушка, похожая на солистку легендарной группы «Роксет», такая же долговязая и со смешным ежиком белых волос причёски (одно из первых моих разочарований – слыша сильный грудной голос, я никак не мог ожидать увиденного; мои юношеские фантазия рисовали мне полногрудую, длинноволосую, сексапильную красотку и вдруг...) Что-то подобное приближалось к нам, смешно выкидывая коленки при беге.

– Сима! – завопил долговязый подросток. Моего друга обожали девушки и делали это всегда красиво. На этот раз они сошлись в долгом поцелуе, при чем в страстном порыве едва не последовав за бутылками. Кто-то из них обязательно бы разбился. Я просто вытянул руки и схватил обоих. У Сима угрожающе треснул плащ, и он отцепился от девушки, свирепо сверля меня глазами.

– Это папин плащ! – Ух ты! Оказывается «папин», а говорил, что брат привез в подарок на день рождение из первого рейса.

– Отпустить?

– Только попробуй!

Девушка заливалась. Ей было смешно. Они нашли равновесие. Вышли на дорогу. Я продолжал сидеть.

– Какой отважный мальчик-одуванчик! – сказала девушка и неожиданно взяла моё лицо в обе руки, расцеловала в щеки и отстранилась, насмешливо шурясь. – Такой серьёзный и в очках. Это, правда, твой друг?

– Отстань от него.

– Пойдем с нами пить, – просто предложила она и, я понял, что моё «просто» – это ничто по сравнению с её «просто». Меня, наконец-то, отпустили. Щеки горели.

– Мальчик-одуванчик. – Погрозила мне девушка пальчиком, не спуская с меня вызывающего прищур, и, отходя к Симе. Подошла веселая компания. Брагина тащил на себе Вялый и хмурый водитель. Он сказал:

– Кончай выпендриваться. Водка выветривается, пиво тухнет, ну, а девушки заждались. Сам видишь.

Сима видел и он торжествовал – какое веселье без него? Никакого. Они объединились, теряя ко мне всякий интерес и, уходя, оставили меня одного, наслаждаться в гордом одиночестве своими мыслями.

С уходом Симы стало грустно. Я поежился, глядя на море. Дождался, пока компания не скроется из виду, и только тогда поднялся. Сколько идти домой? Два-три часа? А может сразу идти к ларьку? И прийти к открытию, как ни в чем не бывало. Чудесная мысль.

Я решил срезать через сопки. Часа через два, когда я уже подходил к городу, и мне пришлось идти в пролеске вдоль автострады, мимо меня пронеслась странная «пятерка». На капоте сидел Сима, держась руками за дворники, он пел. Сначала я не поверил галлюцинации, подумал, что меня посетил мираж – машина промчалась на бешеной скорости, но потом я узнал голос друга. Ноги сами вышли на пустынное шоссе. Я какое-то время смотрел вдаль, в след удаляющейся машине и думал.

Что это за интонация? С секунду соображал. Потом улыбнулся. Интонация человека, у которого праздник удался.

Глава 3

Навязчивая мысль о том, что надо купить оружие в ларек, преследовала меня с первых дней работы. За месяц через мои руки прошел такой арсенал, начиная с тупых кухонных ножей и заканчивая беретами, что можно было бы вооружить не одну дивизию морских котиков или свиней (кому, как нравится). Люди пытались всучить мне всякий хлам и при этом содрать три шкуры, думая, что я сижу на денежном мешке. Руся моего увлечения не понимал. Он даже высказывал страх и был явно напуган, видя во мне тайную угрозу.

Но, как он меня не отговаривал, что только я не услышал из его лживых уст, оружие, после долгого отбора, наконец-то приятной тяжестью легло на дно пакета. Я несколько раз заглядывал в него, любясь дивными линиями, и, не веря долгожданному чуду. Признаться, о таком я и не мечтал.

Руся приехал не один. Я видел, как вслед за ними прикатила ржавая «тройка», заботливо перебинтованная в нескольких местах пеньковой веревкой. Я поспешил открыть дверь, догадываясь, что прибыл товар. Под чутким руководством Руси, парни, выпрыгнувшие из мертвой «коросты», стали носить ящики с водкой. Тот, что был старшим, хитро успел мне подмигнуть и сообщил следующее:

– Отличный товар! У нас самые низкие цены в городе. Меня зовут Дима. Но все зовут меня «прапор». Морская авиация, сынок!

«Папаша» мне не понравился. Ловеласы и пустомели всегда меня настораживали – такие на заводе мало работали, но всегда много говорили. Часто и ни о чем. Оплетая словами с нулевым значением. Тем более папа всегда говорил, что в армии хуже ефрейтора, может быть только прапорщик. А папе я верил.

– Знаешь, что такое морская авиация, сынок?! Это тебе не пехота. Это вертолеты, парень! Масса вертолетов. Массированный удар с воздуха и бац!

Я достал одну из бутылок привезенной водки. На дне плавал мутный осадок и пару тараканов. Достал вторую – тоже. Посмотрел на Русю. «Прапор» перехватил мой взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.